

УДК 001

ПРОБЛЕМА СТАТУСНОЙ РОЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В СОЦИАЛЬНО-КОНСТРУКТИВИСТСКИХ МОДЕЛЯХ НАУКИ

Н.А. Гончарова

Томский политехнический университет

E-mail: natg@tpu.ru

Определена роль социокультурного контекста в исследованиях науки. Уточнены понятия «социокультурной детерминации» и «социокультурной обусловленности» научного познания. Критически осмыслена методология «Социальные исследования науки и техники», кейс-стадис как метод построения целостной модели познавательной деятельности.

Ключевые слова:

Социокультурный контекст, социально-конструктивистские модели науки, «Социальные исследования науки и техники», кейс-стадис.

Key words:

Socio-cultural context, social constructivist models of science, Science and Technology Studies, case studies.

В последние десятилетия XX в. для изучения познавательной деятельности становится важным не столько формальное определение науки как одной из подсистем культуры, а сколько признание возрастающего влияния социальности на формирование научного знания. Научное познание переживает «культурно-исторический поворот», последовавший вслед за «лингвистическим», в результате особо актуализируется роль коммуникации, контекста, ситуации в производстве знания. Социокультурный подход, задача которого заключается, в том числе и в установлении связи и взаимодействия между элементами научного знания и социокультурными реалиями, становится методологией создания социально-конструктивистских моделей науки.

Социокультурная определенность исследования влияет на процесс научного познания, что проявляется во взаимообусловленности науки и других духовных феноменов (философия, политика, искусство и т.д.). Научное знание обусловлено ситуационно, зависимо от интерпретационного контекста, от социального контекста зависит способ интерпретации знания в научной среде. Постигание смысла такого феномена как наука возможно через конкретную ситуацию, цель, интерес, мировоззренческие установки, культурологические установки субъективного познания, эмоции, этические нормы, идеологические и психологические напластования. Тезис о социальной обусловленности познания содержательно представлен в социокультурном подходе к исследованию генезиса науки.

В работах социологов и философов науки, наряду с тезисом о социокультурной обусловленности познания, дискутируется вопрос о «социокультурной детерминации» научного знания, представляющий серьезную гносеологическую и методологическую проблему. Под социальной обусловленностью понимается обозначение всех существующих форм опосредования, влияния социально-исторических условий на познание. Бытие культуры как социокультурного феномена опосредовано. Социокультурные факторы, участвующие

в формирование теоретического знания — это предпосылки, фон познавательного процесса. «Социальная же детерминация имеет место лишь в том случае, если те или иные изменения в мировоззрении, картине мира, или стиле мышления являются непосредственным основанием для возникновения оправдавших себя впоследствии научных идей, когда именно они оказываются ответственными за новый поворот в системе научного знания» [1. С. 31]. Проблема заключается не в том, чтобы зафиксировать социокультурную обусловленность научного познания как данность, а в том, чтобы выявить механизм этой детерминированности.

Уточняя понятие «социокультурной детерминации познания», Е.А. Мамчур отмечает, что оно является более узким по отношению к «социокультурной обусловленности», оно обозначает связи между научным знанием и социальным контекстом, когда социальные и культурные факторы выступают как механизм развития научного знания и определяют логику развития науки. Так, Е.А. Мамчур считает, что ответ на вопрос о возможности толкования в направлении социокультурной обусловленности явлений идейного параллелизма целиком зависит от понимания термина «детерминация». Существуют связи, не содержащие механизма порождения, но им нельзя отказать в детерминистском характере. Такие связи К.Г. Юнг назвал «синхронизацией». Детерминизм не исчерпывается каузальностью. Е.А. Мамчур полагает, к примеру, что отношения между социокультурным контекстом и научным знанием по типу подобно именно синхронной детерминации [2].

Научная концепция может быть объяснима с позиций определенных социокультурных предпосылок.

Формы проявления влияния социокультурного контекста на логическое построение научных концепций:

- выбор направления исследования;
- способ мировосприятия субъекта исследования;
- особенности стиля мышления.

Под влиянием социокультурной среды субъект оказывается включенным в определенное видение мира, — социокультурное способствует выработке идеалов и форм, в которых осуществляется мышление. Однако реализовать это «видение» исследователь может лишь посредством логических и гносеологических средств познания. Так, В.А. Рыжко полагает, что «... социокультурные особенности познавательного процесса, взятые в качестве форм мышления, становятся логическими и гносеологическими средствами познавательной деятельности. Когда цели, идеалы, социальные установки начинают превращаться в структуру мышления, они становятся логическими формами, то есть способами анализа, синтеза, категоризации — типичными логико-гносеологическими формами, средствами» [3. С. 33]. Кроме того, социокультурные основания научной концепции могут проявлять себя через познавательные задачи, идеи, цели, решаемые субъектом познания.

Социокультурная методология в западной социологии науки обрела реальную данность в программе направления, в пределах которого создан ряд социально-конструктивистских моделей научной эволюции, где научное знание представлено как результат и следствие процесса социального конструирования (это интерпретивная социология науки, ситуационные исследования, дискурс-анализ и стоящая несколько особняком концепция Штарнбергской группы).

Бытие науки как социокультурного феномена опосредовано такой целостностью, как культура, и анализ процесса связей и опосредований науки социокультурным окружением требует специфичного для социокультурной методологии концептуально-логического, понятийного аппарата; посредством этого аппарата можно увидеть работу механизма ассимиляции науки системой культуры. Для описания процесса ассимиляции науки системой культуры существует категория «образ науки». Сегодня этот понятийный конструкт исследован Н.П. Кнехт, Б.С. Кузнецовым, В.Н. Порусом, Т.Н. Сычевой, В.Г. Федотовой, Н.С. Юлиной. В целом, проблема исторической реконструкции образа науки рассматривается как проблема, решение которой открывает возможность получения ответов на многие вопросы, касающиеся влияния социокультурных факторов на эволюцию науки.

Гуманизация науки обусловлена потребностью найти более совершенные логико-методологические и историко-научные средства, которые позволили бы переписать сциентистско-объективистский портрет науки [4].

Специфика когнитивной социологии науки определяется расширением сугубо социологической проблематики за счет исследовательского интереса к содержательным аспектам научного знания. При этом культурные ресурсы, определенная социокультурная ситуация детерминируют не только результат научного познания, но и спектр исследовательских методов. Эта предметная спе-

цифичность когнитивной социологии науки отразилась в осуществлявшихся в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века микросоциологических, проблемно-ориентированных исследовательских программах (*case studies*) С. Вулгара, Дж. Гилберта, К. Кнорр-Цетиной, Б. Латура, Б. Винна, М. Малкея, Ю. Хабермаса, — эти программы были объединены как социально-конструктивистские. С момента становления социологии научных сообществ оно стало необходимым объектом социолого-научного анализа: появилась так называемая когнитивно-ориентированная социология науки, сделавшая предметом изучения анализ знания в науке и направлений его получения. Сама постановка этой проблемы весьма специфична: социолог делает предметом анализа социальное поведение людей внутри сообщества, института, лаборатории, к нему и сведен процесс познания.

Сам же термин «*case studies*», как его объясняет М. Малкей, означает сообщение, в котором исследуется группа, событие или процесс, локализованные в пространственно-временном и социальном измерении. Можно говорить о том, что изучаемым в науке событиям придается индивидуальный характер (*case studies*), появляется тенденция изучения отдельных случаев, ситуаций, что определяет, в конечном счете, эмпирический характер исследований [5]. В литературе характеристика социологических исследований науки, известных под названием ситуационных исследований (*case studies*), сопровождается обычно такой интерпретацией: реконструкция науки по принципам кейс-стадис сопряжена как с прошлыми, так и настоящими событиями на основе трансформации понятия исторического времени; события, подвергаемые анализу, расположены при этом словно в квази-одновременном пространстве; при этом историк смотрит на факт истории науки как на событие, «... он не объединяет изучаемое событие с прочими событиями по принципу вынесения за скобки всех индивидуализирующих его черт с целью обобщения, а, наоборот, обращается к особенным его характеристикам, которые формируются в момент самодетерминации события через выбор одной из многих возможностей его существования. Анализируется момент самодетерминации события, обсуждается его диалогическое общение вместо общения с множеством других, пусть не реализованных, возможностей его существования, базирующихся на иных началах, иначе самодетерминирующихся» [4. С. 23].

Поскольку изучаемая исследовательская ситуация по-своему неповторима и уникальна, знание, рождаемое в контексте этой ситуации, с необходимостью несет на себе особенности ситуационного контекста. Необходимые ситуации, примеры должны быть документально зафиксированы, чтобы их можно было изучать.

Именно кейс-стадис явился ключевой методологией такого направления современной западной философии как «Социальные исследования науки и техники». В целях данной статьи интересным

и заслуживающим внимание представляется рассмотрение науки с позиций дисциплины «Социальные исследования науки и техники» (STS — Science and Technology Studies), в которой научное знание и технологические артефакты рассматриваются как существующие конструкции. Под этим подразумевается то, что знание появляется в научной среде — лабораториях, обсерваториях и т. д. — и технологии, возникающие в результате этого знания, конструируются и зависят от того, когда и где они создаются. Таким образом, научное знание не открывается или находится, а активно создается посредством работы и взаимодействия ученых и инженеров, используя имеющиеся в их распоряжении ресурсы. Такой подход является оппозиционным по отношению к традиционно бытующему мнению о том, что научное знание является знанием «оттуда», ожидающее быть «открытым» талантливым индивидуумом [6. Р. 1]. Наука и технология как социальная деятельность отражают социальные условия их производства и социальные условия тех, кто вовлечен в этот процесс.

Ситуационные исследования можно охарактеризовать как исследования, в которых либо выявлены и описаны так называемые мутационные точки, когда трансформируется как тип культуры, так и тип мышления (диалоги Г. Галилея, первые работы А. Эйнштейна и т. д.), либо проанализированы открытия, не приводящие к трансформации типа мышления и культуры, но концентрирующие в себе специфичность типа мышления и культуры конкретной эпохи, которой открытие принадлежит. Именно на этих моментах сосредоточена рефлексия: изучается диалог культур, что выступает как основание формирования нового типа культуры, иного типа мышления (например, ситуация, в которой шло становление основ квантовой механики), проблемная дискуссия внутри научного сообщества. В обоих случаях исследователь касается неповторимой ситуации, в которой рождается новое знание. Заметим, однако, что ситуационный анализ открытия невозможен без понятия «картина мира». Картина мира имеет конкретные характеристики на определенном этапе исторического развития общества и может быть связана с античностью, Возрождением, Новым временем и т. д.; стиль мышления уникален. Исследователь генезиса науки вписывает конкретное открытие в контекст культуры исторической эпохи.

Таким образом, тезис о методологической значимости кейс-стадис звучит так — в рамках ситуационных исследований появляется возможность определить обусловленность контекстом определенных средств выражения, необходимых для построения картины физического мира, специфичной версии мира.

Следует отметить, что при общей значимости подобного подхода именно эта методология (*кейс-стадис*) является предпосылкой и основанием разобщенности, фрагментарности, частичности получаемого в результате анализа знания. Аналитик,

получая это «частичное знание», исходит из представления об опосредованном характере наблюдений. Эта опосредованность обусловлена такими моментами, как экспериментальные процедуры, интерпретация, тщательность опыта, характер статистического анализа и компьютерной обработки; аналитик изучает по сути то, что выступает как контекст наблюдения. Отсутствует при этом не только целостный образ изучаемого явления; анализирующий ситуацию, как правило, не видит механизма синтеза получаемых результатов.

Особенностью кейс-стадис является аналитическая обращенность к локальным событиям, в которых обнаруживаются всеобщие характеристики науки конкретной эпохи, а между тем «на практике ... очень редко удается выделить эти характеристики ... Отсюда, не без основания, возникает впечатление чрезвычайной фрагментарности исторической картины, возникающей на базе ситуационных исследований» [4. С. 67].

Если задача историко-научных исследований традиционно кумулятивистской ориентации заключалась в выделении из богатой эмпирии существенных для понимания эволюции науки закономерностей, то задача кейс-стадис — в выявлении уникального, неповторимого в эволюции науки, что позволяет определить социокультурные основания и предпосылки научного открытия.

В продолжение критического взгляда на кейс-стадис, О.В. Летов определяет социальный анализ науки и техники в рамках STS как описательный, обращая внимание на то, что в обилие фактов, эмпирического материала, кейсов становятся слабо уловимы принципы и категории. Сторонники STS анализируют не то, что исследуют ученые (субъекты познания), а процесс производства знания, как они это делают и какими методами [7. С. 124].

Специфика и достоинство кейс-стадис в том и состоит, что ситуационные исследования позволяют сформировать социокультурную парадигму развивающегося знания, выявить социокультурные основания и механизм их реализации в исторической реконструкции науки. В определенном смысле конкретная анализируемая ситуация может явиться средоточием всеобщности, но для анализирующего конкретную ситуацию в науке важно выявить и в полной мере осознать социокультурные основания уникального научного открытия.

В заключение — еще об одной особенности и методологическом потенциале ситуационных исследований: в них аналитик обращается к приему, когда в конкретное событие включенными оказываются прошлое и будущее науки; научное открытие выступает, таким образом, как синтез всей истории науки. Эта особенность ситуационных исследований проявляется в специфичном категориальном оформлении: «ситуация», «эпизод», «событие», посредством этих понятийных конструкторов научное открытие и представляется средоточием социальных и культурных составляющих, тем самым осуществляется синтез научного теоретизирования

и «окультуривающего» его фона, логического и социокультурного, само же научное знание выступает как результат социального конструирования, — результат, в котором наглядно проявляет себя субъективность и произвольность научного познания.

Сделаем краткие выводы относительно исследовательских ориентиров социально-конструктивистских моделей генезиса науки. Итак, научное

знание моделируется социокультурным контекстом, наука представлена как интерпретивная деятельность, результатом которой является социальное конструирование природы физического мира. Научное знание социально конструируемо теми, кто вовлечен в его производство, а наука есть социальный конструкт, в создании которого участвует все общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В.А. Образ науки в ее ценностном измерении. Философский анализ. — Новосибирск: Наука, 1995. — 266 с.
2. Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания (К дискуссиям в современной постпозитивистской философии науки). — М.: Наука, 1987. — 248 с.
3. Рыжко В.А. Научные концепции: социокультурный, логико-гносеологический и практический аспекты. — Киев: Наукова думка, 1985. — 184 с.
4. Маркова Л.А. Конец века — конец науки? — М.: Наука, 1992. — 134 с.
5. Малкей М. Наука и социология знания. — М.: Прогресс, 1983. — 253 с.
6. Erickson M. Science, Culture and Society. Understanding Science in the 21st century. — Cambridge: Polity Press, 2005. — 241 p.
7. Летов О.В. Социальные исследования науки и техники // Вопросы философии. — 2010. — № 8. — С. 115–124.

Поступила 02.03.2011 г.

УДК 140.8

ФЕНОМЕН ЖИЗНЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И КОМПОНЕНТЫ

В.С. Иванова

Томский политехнический университет

E-mail: vcsoc@rambler.ru

Статья посвящена экспликации смысла жизненного самоопределения, выделены основные структурные компоненты данного феномена. Задается ракурс видения самоопределения посредством того — как человек определяет, выбирает, устанавливает смысл бытия, как задает проект самоскладывания, как определяет выбор жизненных целей.

Ключевые слова:

Жизненное самоопределение, смысл бытия, выбор цели.

Key words:

Self-determination, sense of existence, selection the target.

Утверждение нового в социально-экономической сфере страны вызвало потребность в реформировании важных отраслей социальной жизни, в том числе и системы образования. Реформы затронули не только те или иные важные сферы общества, но и сознание, систему жизненных ориентиров индивида, необходимых для его жизнедеятельности. Исследователей и практиков все больше привлекает проблема самоопределения личности, социализации молодого поколения.

Не вдаваясь в детализирование современной научной исследовательской традиции, можно условно выделить три основных подхода в изучении, интерпретации категории «жизненное самоопределение», которые некоторым образом отличаются от предлагаемого в данном исследовании и характеризуются нами как традиционно-объективистский, философско-антропологический и системно-функциональный.

С позиций «традиционно-объективистского» подхода самоопределение рассматривается в кон-

тексте конкретности, всеобщности человеческого бытия, а также интерпретируется как элемент бытия «фактического» индивида в «фактическом» отношении. Аспектами рассмотрения самоопределения в таком ракурсе предлагались онтогенетический и предметный уровни, где первый связан с ориентацией на социум, а второй — на представление сущности.

Основным недостатком такого видения является игнорирование субъективности, которая и творит мир, и его отражает. А также объективизм, в котором упрекают представителей этого подхода, ведь он является тем идеалом научного знания, который явно не соответствует постклассической картине мира с ее множественностью языков описания одного и того же объекта, с ее ориентацией на принцип дополнительности и новой системности.

Специфическими особенностями «философско-антропологического» подхода являлись, во-первых, то, что самоопределение называлось одной из основных проблем философской антропологии